

Нокаут для Северной Кореи?

Какие существуют варианты кроме войны? И какую роль может сыграть ЕС?

Ситуация с безопасностью на Корейском полуострове нынче весьма напряженная – по мнению части наблюдателей, ее можно было бы назвать даже взрывоопасной. Похоже, может произойти все что угодно: шестое ядерное испытание Северной Кореи, попытка США силой отстранить от должности северокорейского вождя Ким Чен Ына или мирные переговоры. Не исключена даже возможность участия Европы, играющей маргинальную роль в плане безопасности для Северной Кореи, в дипломатическом решении, которое позволило бы положить конец ракетно-ядерной программе Пхеньяна.

В Южной Корее при правлении Мун Чжэ Ина к власти пришло новое прогрессивное правительство, стремящееся наилучшим образом воспользоваться этой динамикой. После десяти лет консервативного правления, при котором исповедовался жесткий курс в отношениях с Пхеньяном, отныне у власти – президент Мун Чжэ Ин. Он и члены его кабинета могут считаться голубями мира. Они – ветераны «солнечной политики», одного из этапов сотрудничества между Южной и Северной Кореей с 1998 до 2008 года. Их целью является восстановление прерванных экономических и дипломатических отношений с Пхеньяном. Мун стремится к переговорам по многим вопросам: от программы ядерных испытаний до воссоединения Кореи, и готов заплатить высокую цену.

*Похоже, может
произойти все что
угодно: шестое ядерное
испытание Северной
Кореи, попытка США
силой отстранить от
должности*

Между тем Дональд Трамп и его советники, невзирая на свою приобретающую явно угрожающий характер риторику, демонстрируют открытость в вопросе о возобновлении переговоров с Пхеньяном. Министр обороны Джеймс Маттис и министр иностранных дел Рекс Тиллерсон вложили слишком много времени и ресурсов в проблему ракетно-ядерных испытаний

*северокорейского вождя
Ким Чен Ына или
мирные переговоры*

Северной Кореи и провозгласили мирное решение северокорейского кризиса наивысшим внешнеполитическим приоритетом. Белый дом направил высокопоставленных чиновников для совместной работы с Южной Кореей и партнерами в этом регионе над проблемой Пхеньяна. Советник по вопросам национальной безопасности Герберт Макмастер пытается наладить тесную координацию между Белым домом в Вашингтоне и Синим домом в Сеуле.

Трампа – мастер сделок, и он, похоже, стремится к соглашению с Северной Кореей, что будет результатом его стратегии «максимального давления и максимального вовлечения». Под этим названием скрывается дипломатия по принципу кнута и пряника, хотя при этом отрицается наличие желания добиться смены режима. Важно то, что Трамп – республиканец, причем неортодоксальный республиканец. Это дает ему возможность вести против Пхеньяна смелую политику – наподобие той, на которую отважился в 1972 году лишь Никсон во время своего визита в Китай.

Неготовность прислушаться

Решающим остается вопрос, при каких условиях Пхеньян готов пойти на переговоры. Ким Чен Ын захлопнул дверь перед носом у тех, кто надеялся на «дипломатические авансы». После избрания Муна он не уменьшил темп ядерных испытаний, что не создает хороших предпосылок для переговоров. Однако неподатливость Ким Чен Ына отчасти является тактикой накануне переговоров. Правящая команда Трампа до выборов Муна с его пацифистскими настроениями отфутболила мяч санкций как можно дальше на половину поля противника, чтобы обеспечить себе максимально сильную позицию на переговорах. Непрерывающиеся ракетные испытания Кима, с одной стороны, вызваны необходимостью создания систем ракет-носителей для ядерных боеголовок. Это также своеобразный протест тактического характера против «максимального давления» Трампа. С этой точки зрения, у Кима та же цель, что и у Трампа: он стремится обеспечить себе наилучшие переговорные позиции. Но Северная Корея не будет долго противиться переговорам. На самом деле уже состоялись тайные переговоры на уровне так называемой полуофициальной (между бывшими и нынешними представителями правительства) и официальной дипломатии (исключительно между правительствами).

*У Кима та же цель, что
и у Трампа: он
стремится обеспечить
себе наилучшие
переговорные позиции*

В конечном счете предложенные и приемлемые условия переговоров со стороны США и Южной Кореи, дополненные мерами по стимулированию и принуждению со стороны Китая (то есть применением поэтапных санкций) подвигнут Пхеньян сесть за стол переговоров. Удачным моментом для этого может стать, например, период сразу же после окончания Олимпийских игр 2018 года в Южной Корее. Не могло бы в этой связи соглашение о прекращении иранской ядерной программы послужить моделью для процесса и целей переговоров с Северной Кореей? Такого мнения, во всяком случае, придерживается бывший министр иностранных дел США Джон Кэрри, институт Катона и Роберт Литвак (бывший член Совета национальной безопасности США, а ныне – президент Международного центра имени Вудро Вильсона, влиятельного аналитического центра в Вашингтоне). Все это говорит о том, что сочетание иранского соглашения с его поэтапным диалогом и конкретными поэтапными действиями с целью замораживания ядерной программы в определенной степени применимы и к Северной Корее.

Риторика против реальности

Можно поставить под вопрос логику такой идеи. Ведь в случае с Ираном есть много различий по сравнению с Северной Кореей: санкции для Северной Кореи не столь чувствительны, у Пхеньяна имеется мощный союзник в лице соседа (Китая). К тому же Северная Корея стремится к переговорам трансформационного характера с целью достижения мирного соглашения для всего корейского полуострова, а Южного Ирана, который усложнял бы ситуацию, никогда не существовало. И все же иранская модель является самой лучшей из множества плохих вариантов. Вот и администрация Трампа вопреки предшествующей предвыборной риторике после прихода к власти со сдержанным оптимизмом оценивает последствия Совместного всеобъемлющего плана действий (JCPOA). Представители Белого дома и в самом деле

заявили CNN, что нынешняя администрация вместе с влиятельными силами в регионе изучает возможность организации широкой международной кампании, напоминающей глобальный подход администрации Обамы на ядерных переговорах с Ираном.

*ЕС – один из столпов
международных санкций
против Северной Кореи,
а потому хорошо
подходит на роль
честного посредника*

При таком подходе часто упускается из виду то, что ЕС существенно способствовал достижению JCPOA. Приведение модели переговоров с Ираном с соответствием с ситуацией в Северной Корее означало бы также и вовлечение в этот процесс ЕС. Существовало немало причин того, что за столом переговоров вместе с Ираном и группой P5+1 (то есть постоянными членами Совета безопасности ООН Китаем, Францией, Россией, Соединенным Королевством и США плюс Германия) был представлен и ЕС. У государств – членов ЕС были хорошие дипломатические связи с Тегераном, тогда как между Ираном и США и поныне не существует формальных дипломатических отношений. Европа вплоть до санкций оставалась важным экономическим партнером Ирана, соответственно и ЕС сыграл ключевую роль в санкциях, вынудивших Тегеран сесть за стол переговоров. В конце концов, все остальные партнеры считали ЕС в полной мере равноценным участником переговоров.

Те же факты будут иметь место в случае с потенциальными переговорами о северокорейской программе ракетных и ядерных испытаний. У европейских стран дипломатические связи с Северной Кореей лучше, чем у Вашингтона, который не поддерживает официальных дипломатических отношений с Пхеньяном. ЕС – один из столпов международных санкций против Северной Кореи, а потому хорошо подходит на роль честного посредника: его репутация в регионе почти не обременена, и он не вовлечен в конфликты за гегемонию в регионе. Ввиду недоверия между такими вероятными лагерями на переговорах, как Пхеньян – Пекин – Москва и Сеул – Вашингтон – Токио, это немаловажный фактор.

Впрочем, параллели между ролью Европы на переговорах в рамках JCPOA и ее потенциальной ролью в переговорах с Северной Кореей не совсем безупречны. Европа имеет для Пхеньяна не столь важное

экономическое значение, в географическом плане Северная Корея более отдалена, а переговоры с Северной Кореей еще не требуют одобрения в форме резолюции ООН. Кроме того, ЕС не был участником предыдущих многосторонних переговоров с участием шести стран. Тем не менее в прошлом ЕС играл вполне весомую экономическую роль в Корее. В 1990-х годах он был партнером Организации по развитию энергетики Корейского полуострова (KEDO). Кроме того, европейские страны до санкций были важным дополнительным торговым партнером Северной Кореи. Географическая удаленность нивелируется тем, что Пхеньян способствует распространению ядерных вооружений на Ближнем Востоке, в связи с чем ядерные амбиции Северной Кореи создают угрозу и для безопасности Европы. То обстоятельство, что Мун Чжэ Ин стремится вовлечь в переговоры ЕС, противоречит предположению, согласно которому Европейский союз ввиду своего отсутствия на шестисторонних переговорах и впредь будет исключен из этого процесса. Вне зависимости от того, будет ли реанимирована модель шести сторон или же создан новый формат: чтобы снова вдохнуть жизнь в переговоры с Северной Кореей, нужен катализатор. Мун это осознал, о чем можно судить по поездкам его дипломатов по всему миру, в том числе и к Председателю Европейского совета Дональду Туску. Чиновники ЕС неофициально подтверждают, что уже состоялись переговоры с южнокорейским правительством и премьер-министром Китая Ли Кэцяном о дипломатической роли ЕС в отношении Северной Кореи.

Можно спорить о том, применима ли модель переговоров с Ираном к Корейскому полуострову. Но независимо от стратегии переговоров, в пользу которой будет принято окончательное решение, ЕС может и должен сыграть в них определенную роль.

Мейсон Ричи

Сеул

Мейсон Ричи (Mason Richey) – профессор международной политики
Университета иностранных языков Хангук в Сеуле.

